

© 1995 г., ЭО, № 1

Э. Фраткин

ПРОБЛЕМЫ ПАСТУШЕСКОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В КЕНИИ (1950—1990) *

Введение

Сегодняшние подвижные скотоводы Кении стоят перед проблемой негарантированности и риска в отношении их животноводства в гораздо большей степени, нежели во времена опустошительных эпидемий и голода конца XIX в. Составляя менее 1 млн. человек в 25-миллионном населении Кении, подвижные скотоводческие группы включают маасаев (350 000 человек), туркана (250 000), покот (40 000), сомали (250 000), рендилье (25 000), боран (30 000) и габра (25 000 человек). Все они населяют 70% территории страны, прежде всего ее саванны и пустынные районы. Хотя локальное положение кенийских подвижных скотоводов значительно варьирует в зависимости от природной среды, их особых скотоводческих способов адаптации и социальной истории, скотоводы сталкиваются с одними и теми же проблемами и процессами, воздействующими на их экономическую гарантированность и способность поддерживать свое подвижное скотоводческое хозяйство. К ним относятся: 1) рост населения и нагрузка на пастбищные ресурсы; 2) преобразование прав собственности из общинных в частную собственность; 3) политическая нестабильность и экономическая неустойчивость, заставляющие многие группы людей покидать прежние пастбищные территории и сосредотачиваться вокруг поселений и городов.

Речь идет о перенаселенности и воздействии роста населения на развитие Африки, о чем ведутся давние споры. Однако в этих спорах о подвижных скотоводах говорилось недостаточно. Международные организации, финансирующие развитие стран Африки, прежде всего Международный банк реконструкции и развития, Фонд Рокфеллера и Совет по населению, считают, что быстрый рост населения — основная проблема Африки. Их довод состоит, попросту говоря, в том, что чем больше народа, тем больше потребностей в сфере социальных услуг, а это соответственно требует больших затрат на здравоохранение, социальное обеспечение, образование и т. д. Поглощаемые средства можно было бы использовать для создания лучшей инфраструктуры (дороги, городские районы, промышленные предприятия) или же для выплаты долгов международным спонсорам, т. е. все тому же Банку реконструкции.

Агентства по развитию, занимающиеся аридными (засушливыми) областями Африки и их скотоводческим и земледельческо-скотоводческим населением, в значительной степени следуют тезису Гаррета Хардина о «трагедии общин», согласно которому в деградации природной среды засушливых областей Африки повинны именно скотоводы. Хардин доказывал, что подвижные скотоводы, как правило, перегружают перевыпасом общинные пастбища. Они стремятся максимально использовать ресурсы и загоняют на общинные земли скота больше,

* Текст доклада на специальном заседании ежегодного собрания Ассоциации по изучению Африки, происходившем 2—6 декабря 1993 г. в Бостоне и посвященном истории землепользования в Африке. Автор — сотрудник факультета антропологии Пенсильванского университета.

чем это возможно. Тем самым достигается личная экономическая выгода за счет общины¹. По мнению западных спонсоров, этот вопрос можно решить путем поощрения частного землевладения, т. е. создания огороженных ранчо, где скотовод, подобно западному домовладельцу, мог бы «содержать» свою собственность.

Против взгляда Хардина, а также мальтузианского призрака переизбытка людей и их скота на земле возражали прежде всего социальные антропологи, работавшие с подвижными скотоводами². Они показали, что частная собственность на пастбищные земли зачастую оказывалась несостоятельной вследствие их засушливости и изменчивости. Именно поэтому скотоводы сознательно поддерживали обширные социальные связи (по браку, происхождению и дружбе), для того чтобы в случае необходимости пользоваться отдаленными пастбищами.

В спор вступили историки, изучающие более древние системы социальных связей в засушливых областях Африки³. Они доказывали, что перенаселенность территорий у скотоводов скорее является следствием экономических и политических процессов, в результате которых они лишены самостоятельности и вынуждены перемещаться. Пример тому — скотоводы туареги и фульбе, вытесненные с пастбищ сухого сезона в сахель обедневшими земледельцами хауса, которые сами были изгнаны с лучше орошаемых земель производителями товарного арахиса в Западной Африке⁴. Противники Хардина ссылаются на рациональность и приспособляемость животноводства и становятся решительными защитниками скотоводов против политики развития, т. е. это как раз то положение, в защиту которого я ранее выступал⁵.

Тем не менее становится все труднее игнорировать последствия перенаселенности как внутри скотоводческих обществ, так и вне их. Я склоняюсь к той точке зрения, что скотоводы — не «экологические злодеи» и не «экономические жертвы», употребляя выражения О'Лири⁶, а просто особое население, оказавшееся заложником гораздо более крупной проблемы Африки — проблемы взаимодействия человека и среды обитания. Рост населения, подрыв права землевладения, расширение земледелия, экономическое преобразование и политическая ненадежность — все это взаимозависимые проблемы, непосредственно воздействующие сегодня на подвижных скотоводов. Я хотел бы подробнее проанализировать эти проблемы на примерах кенийских подвижных скотоводов маасаев, самбуру, боран и рендилле.

Рост населения

При ежегодном приросте в 3,8% Кения обладает одним из самых высоких темпов роста населения в мире (при таком темпе кенийское 25-миллионное население через 18 лет удвоится; для сравнения — 21-миллионное население Тайваня при ежегодном приросте в 1,2% удвоится через 57 лет). Считается, что в Кении из-за высокого прироста населения снижается рост потребления (с годичного роста в 8% в 1960-е годы до 4% в 1980-е и до отрицательного роста в 1990-е годы), причем реальная заработная плата упала на 70%, в то время как расширяющаяся сеть социальных услуг в сфере образования, здравоохранения, транспорта и связи поглощает растущую долю правительственных расходов⁷.

Большой рост населения в Кении, как и во всей Африке, обуславливается снижением детской и общей смертности при сохранении высокой рождаемости. Смертность детей до пяти лет снизилась между 1960 и 1990 гг. на 50%; в 1979 г. детская смертность составляла 140 на 1000 человек, в 1989 г. — 110 на 1000 человек. Такое улучшение положения объясняется усовершенствованием системы здравоохранения, особенно иммунизации против кори, полиомиелита, а также дифтерии — полиомиелита — столбняка, облегчением доступа к медицинской помощи. Хотя Кению отличает очень высокий уровень естественного воспроизводства — 6—7 детей на одну женщину в 1990 г., в действительности это снижение по сравнению с соответствующим показателем 8 детей по данным 1960-х и 1970-х годов.

Рост населения в Кении (1979—1989 гг.)

Провинция и округ	Население, тыс.		Рост за 10 лет, %	Плотность на 1 км ²	
	1979 г.	1989 г.		1979 г.	1989 г.
Найроби	828	1346	4,86	1211	1968
Центральная КIAMбу	686	914	2,87	280	373
Кириньяга	291	388	2,88	203	270
Муранга	648	846	2,87	262	342
Ньери	486	613	2,32	148	187
Ньяндаруа	233	349	4,04	66	99
Всего:	2344	3110	2,83	178	236
Побережье Килифи	431	611	3,49	35	49
Квале	288	384	2,88	35	47
Ламу	42	57	3,05	6	9
Момбаса	341	467	3,14	1624	2224
Тейта Тавета	148	202	3,11	9	12
Река Тана	92	129	3,38	2	3
Всего:	1342	1850	3,21	16	22
Восточная Эмбу	263	358	3,08	97	132
Исиоло	43	70	4,87	2	3
Китуй	464	640	3,22	16	22
Мачакос	1023	1393	3,09	72	98
Марсабит	96	125	2,64	1	2
Меру	830	1138	3,16	84	115
Всего:	2719	3724	3,15	18	24
Северо-восточная					
Гарисса	129	124	-0,40	3	3
Мандера	106	123	1,49	4	5
Ваджир	139	125	-1,06	2	2
Всего:	374	372	-0,05	3	3
Ньянза Кисии	870	1146	2,76	396	522
Кисуму	482	674	3,35	232	324
Снайя	475	643	3,03	187	254
Южная Ньянза	818	1095	2,95	143	192
Всего:	2645	3558	2,97	211	284
Долина Рифт	149	262	5,64	6	10
Каджиадо					
Керичо	633	859	3,05	107	176
Лайкипия	135	213	4,56	31	45
Накуру	523	862	5,00	30	57
Нанди	299	440	3,86	74	104
Нарок	210	402	6,49	8	11
Баринго	204	286	3,38	14	25
Элгейо Маквет	149	212	3,53	233	316
Самбуру	77	114	3,92	4	5
Транс-Нзойя	260	394	4,16	105	160
Туркана	143	179	2,25	2	3
Уасин Гишу	301	440	3,80	80	116
Западный Покоит	159	231	3,74	31	46
Всего:	3242	4894	4,12	19	29
Западная Бунгома	504	731	3,72	164	238
Бусна	298	423	3,50	183	260
Какамега	1031	1389	2,98	293	395
Всего:	1833	2543	3,27	223	309
Итого по стране	15327	21397	3,34	27	38

Ныне имеются свидетельства того, что Кения вступает в период ответственно-демографического перехода, когда первоначальное падение смертности сопровождается сокращением естественного воспроизводства по мере повышения степени выживаемости детей и увеличения затрат на их воспитание. Такая ситуация типична для развивающихся стран⁸. Пусть медленно, но в Кении теперь происходит снижение уровня воспроизводства, объясняемое более широким применением противозачаточных средств, что связано с повышением уровня женского образования и вообще грамотности среди взрослого населения⁹.

Тем не менее естественное воспроизводство в стране остается высоким, хотя эпидемия СПИД, безусловно, будет влиять на демографический переход: повысится смертность взрослых, особенно женщин в детородном возрасте (до фантастической цифры в 20 млн. человек в ближайшие 20 лет), но высокая рождаемость не понизится значительно, и африканское население будет в течение нескольких десятилетий продолжать расти высокими темпами¹⁰.

Рост населения привел в Кении к давлению и на городские, и на сельские ресурсы. Несмотря на значительную концентрацию населения в городах, например в Найроби (1350 тыс. человек в 1989 г.), всего лишь 18% кенийцев живет в городской местности. Сельское население занимается преимущественно земледелием, причем 80% жителей используют только 17% земли. Скотоводы, у которых плотность населения значительно меньше, чем у земледельцев, испытывают тем не менее на своих землях всевозрастающие трудности. По мере того как растет их собственное население, а земледельцы из гущи заселенных районов переселяются на земли подвижных скотоводов, эта тенденция нарастает с пугающей быстротой.

В табл. 1 показаны перемены, происшедшие в каждом районе страны в 1979—1989 гг., причем сведения приведены из разных демографических источников, касающихся Кении (перепись населения в 1979 г., обзор распространения контрацептивов в 1984 г. и обзор демографии и здравоохранения в 1988—1989 гг.¹¹). Все эти вопросы обсуждались на состоявшейся в августе 1993 г. в Национальной академии наук конференции по динамике населения в Африке южнее Сахары.

Стоит обратить внимание на вариации в росте населения между отдельными округами. Если принять показатель роста населения Кении в 3,34% и одинаковые показатели рождаемости и смертности по всем районам (большое «если», поскольку демографические данные, особенно по подвижному скотоводческому населению, скудны и не отмечены в выводах Национальной академии), то изменения в темпах роста по отдельным округам свидетельствуют о вариациях, которые следует отнести к миграции и иммиграции.

Например, население Найроби выросло на 4,86%, а соседние сельские округа Киамбу и Муранга — только на 2,87 и 2,67%, что предполагает высокую миграцию в город. Миграция происходит не только в крупные города, но и из одних сельских округов в другие. В населенных мааसाиями областях районов Каджиадо и Нарок число маасаев выросло, но шла также иммиграция земледельцев на прежде принадлежавшие подвижным скотоводам земли. Население округов Лайкипия и Накуру, которые ранее были землями маасаев, а теперь заселены земледельцами кикуйю, тоже выросло соответственно на 4,56 и 5%.

Маасаи. 1950-е годы — период небывалого роста численности людей и животных по всей Кении. Это было вызвано чрезвычайно обильными дождями, а также улучшением в сфере здравоохранения, закрепления земельных территорий, сельскохозяйственного производства и ветеринарного обслуживания. В области маасаев население округа Каджиадо возросло с 22 тыс. в 1948 г. до 86 тыс. в 1969 г. и до 149 тыс. в 1979 г., т. е. в среднем на 3,5% в год. Это произошло вследствие того, что земледельцы кикуйю и камба переселялись на земли маасаев, спасаясь от перенаселенности на центральных нагорьях. В 1962 г. маасаи составляли 78% жителей округа Каджиадо; в 1979 г. их было меньше 63%¹². Быть может, сегодня маасаи составляют в Каджиадо меньшинство населения. Подобные процессы сельской иммиграции земледельцев на полуаридные земли идут и в округе Сам-

буру (рост на 3,92% за 10 лет) и в Лайкипия (4,56%). О приросте населения выше среднего уровня сообщают также из Накуру (5%), Уасин Гишу (3,8%) и Транс-Нзойи (4,16%). Это прежде всего касается земледельцев кикую и календжин, ныне вовлеченных в жестокий конфликт по поводу занятия ими этих районов провинции Долина Рифт.

Если на скотоводческие области юга Кении очень сильно воздействует рост сельского хозяйства и иммиграция, то в областях подвижного скотоводства аридного севера Кении наблюдается иная ситуация. Эти районы отличаются очень низкой плотностью населения (менее 3 человек на 1 км²) и малым его приростом между 1979 и 1989 гг. (в областях Туркана +2,25%, Марсабит +2,64%, Мандера +1,49%, а Гарисса —0,4% и Виджир —1,06% имели отрицательный рост). Эти низкие или отрицательные показатели означают миграцию, так как едва ли скотоводческое население отличается значительно более низкой плодородностью или большей смертностью, чем обитатели других областей Кении. Демографические обзоры среди скотоводов немногочисленны, но Рот сообщает о показателе суммарной плодородности 6,04 в группах рендилле, не знающих сепаада (сепаада — это женщины рендилле, которые отодвигают брачный возраст каждое третье поколение)¹³. Брейнард же сообщает о показателях суммарной плодородности 7,2 у кочевых туркана и 5,5 у оседлых туркана¹⁴. Только округ Исиоло имел высокий прирост населения (4,87%) между 1979 и 1989 гг., что может быть объяснено иммиграцией скотоводов сомалийцев из округа Ваджир, вытеснивших скотоводов боран¹⁵.

Высокий прирост населения действует на пастушеские земли по-разному. В Южной Кении земледельцы округов Кисии, Снайя, Керичи, Накуру и Мачакос переходят на земли маасаев в округа Каджиадо и Нарок. Для скота маасаев эти земли зачастую важный источник пропитания в сухой сезон, для земледелия же они низкокачественны и неполноценны. В лучше орошаемых областях земли маасаев пастбищные участки преобразуются в огороженные скотоводческие хозяйства или фермы по выращиванию пшеницы, принадлежащие либо влиятельным членам скотоводческой общины (как в округах Каджиадо и Самбуру), либо предпринимателям нескотоводам, как в округах Нарок и Лайкипия. В том же направлении идет и расширение национальных охотничьих и иных заповедников Кении, большинство которых расположено в скотоводческих областях. Распространение охотничьих заповедников можно рассматривать как косвенное следствие роста населения, так как туризм — главный источник поступления иностранной валюты для Кении — дает доходы для оплаты социальных услуг, на которые теперь расходуется более 50% годового бюджета страны¹⁶.

Рост населения повлиял также на ресурсы скотоводства в Северной Кении, хотя иначе, чем на юге. Несмотря на малую плотность населения на севере, даже низкий прирост там влияет на использование естественных ресурсов и доступ к земле. Например, количество рендилле выросло с 5000 в 1920 г. до 24 тыс. человек с лишним в 1984 г., причем численность их стад утроилась, а количество мелкого скота увеличилось между 1932 и 1984 гг. на 72% (табл. 2). Хотя средний размер стада на домохозяйство уменьшился, абсолютная численность животных увеличилась, что создало гораздо большую нагрузку на пастбища, особенно в сухой сезон. За тот же период рендилле потеряли 87% своей пастбищной земли (от 57600 до 8000 км²), главным образом вследствие распространения здесь подвижных скотоводов туркана и боран и введения племенных границ пастбищ, о чем будет сказано ниже¹⁷.

Как ни скромнен рост массы населения и скота в скотоводческих областях Кении, он имеет прямое отношение к землевладению и использованию естественных ресурсов в аридных регионах. Это относится прежде всего к пастбищным ресурсам сухого сезона, которые обычно расположены на более населенных нагорьях, вблизи постоянных источников воды, все более привлекающих оседлое население. Таким образом, хотя рост населения для скотоводческих районов в целом может быть и низок, это население распределяется неравномерно, создавая

буру (рост на 3,92% за 10 лет) и в Лайкипия (4,56%). О приросте населения выше среднего уровня сообщают также из Накуру (5%), Уасин Гишу (3,8%) и Транс-Нзойи (4,16%). Это прежде всего касается земледельцев кикую и календжин, ныне вовлеченных в жестокий конфликт по поводу занятия ими этих районов провинции Долина Рифт.

Если на скотоводческие области юга Кении очень сильно воздействует рост сельского хозяйства и иммиграция, то в областях подвижного скотоводства аридного севера Кении наблюдается иная ситуация. Эти районы отличаются очень низкой плотностью населения (менее 3 человек на 1 км²) и малым его приростом между 1979 и 1989 гг. (в областях Туркана +2,25%, Марсабит +2,64%, Мандера +1,49%, а Гарисса —0,4% и Виджир —1,06% имели отрицательный рост). Эти низкие или отрицательные показатели означают миграцию, так как едва ли скотоводческое население отличается значительно более низкой плодovitостью или большей смертностью, чем обитатели других областей Кении. Демографические обзоры среди скотоводов немногочисленны, но Рот сообщает о показателе суммарной плодovitости 6,04 в группах рендилле, не знающих сепаада (сепаада — это женщины рендилле, которые отодвигают брачный возраст каждое третье поколение)¹³. Брейнард же сообщает о показателях суммарной плодovitости 7,2 у кочевых туркана и 5,5 у оседлых туркана¹⁴. Только округ Исиоло имел высокий прирост населения (4,87%) между 1979 и 1989 гг., что может быть объяснено иммиграцией скотоводов сомалийцев из округа Ваджир, вытеснивших скотоводов боран¹⁵.

Высокий прирост населения действует на пастушеские земли по-разному. В Южной Кении земледельцы округов Кисии, Сиайя, Керичи, Накуру и Мачакос переходят на земли маасаев в округа Каджиадо и Нарок. Для скота маасаев эти земли зачастую важный источник пропитания в сухой сезон, для земледелия же они низкокачественны и неполноценны. В лучше орошаемых областях земли маасаев пастбищные участки преобразуются в огороженные скотоводческие хозяйства или фермы по выращиванию пшеницы, принадлежащие либо влиятельным членам скотоводческой общины (как в округах Каджиадо и Самбуру), либо предпринимателям нескотоводам, как в округах Нарок и Лайкипия. В том же направлении идет и расширение национальных охотничьих и иных заповедников Кении, большинство которых расположено в скотоводческих областях. Распространение охотничьих заповедников можно рассматривать как косвенное следствие роста населения, так как туризм — главный источник поступления иностранной валюты для Кении — дает доходы для оплаты социальных услуг, на которые теперь расходуется более 50% годового бюджета страны¹⁶.

Рост населения повлиял также на ресурсы скотоводства в Северной Кении, хотя иначе, чем на юге. Несмотря на малую плотность населения на севере, даже низкий прирост там влияет на использование естественных ресурсов и доступ к земле. Например, количество рендилле выросло с 5000 в 1920 г. до 24 тыс. человек с лишним в 1984 г., причем численность их стад утроилась, а количество мелкого скота увеличилось между 1932 и 1984 гг. на 72% (табл. 2). Хотя средний размер стада на домохозяйство уменьшился, абсолютная численность животных увеличилась, что создало гораздо большую нагрузку на пастбища, особенно в сухой сезон. За тот же период рендилле потеряли 87% своей пастбищной земли (от 57600 до 8000 км²), главным образом вследствие распространения здесь подвижных скотоводов туркана и боран и введения племенных границ пастбищ, о чем будет сказано ниже¹⁷.

Как ни скромнен рост массы населения и скота в скотоводческих областях Кении, он имеет прямое отношение к землевладению и использованию естественных ресурсов в аридных регионах. Это относится прежде всего к пастбищным ресурсам сухого сезона, которые обычно расположены на более населенных нагорьях, вблизи постоянных источников воды, все более привлекающих оседлое население. Таким образом, хотя рост населения для скотоводческих районов в целом может быть и низок, это население распределяется неравномерно, создавая

Рост населения и скота у рендилле в округе Марсабит

Год	Люди	Мелкий скот	Верблюды	Крупный рогатый скот
1920	5474	—	—	—
1932	7250	384352	51355	8653
1942	7395	—	—	—
1954	10500	—	—	—
1979	21794	—	—	—
1984	24501	533355	47870	26821

Источники: From Water to World-Making: African Models in Arid Lands. Uppsala, 1990. P. 76.

большие скопления вокруг главных водных источников, на пастбищах и вблизи городов. Концентрация населения прямо ведет к экономическим переменам и политическим конфликтам в этих регионах.

Земля и права собственности

Споры о праве собственности у подвижных скотоводов ведутся, по очевидным причинам, скорее о стадах скота, чем о земле. Животные представляют собой признанную собственность отдельных лиц или домохозяйств. Они дают не только пищу для ежедневного потребления, но и являются формой богатства, используемого для обмена (включая приданое) и передаваемого по наследству. Земля может приобретать черты личной собственности в случае агроскотоводов, которые определяют права на землю для выращивания урожая, однако у подвижных скотоводов земля обычно считается общинной собственностью, обеспечивающей пастбищами, водой, солью, необходимыми для подвижного животноводческого производства. Общинная собственность — это не то же самое, что общая собственность, когда общинное владение может удерживать особая социальная группа, у которой пришельцы должны просить доступа к пастбищам, воде и соли¹⁸. Скот, вода и доступ к пастбищу — это сердцевина социальных отношений подвижного скотоводческого общества¹⁹. Как нашли Даль и Меджерса, у кочевых боран права на колодцы принадлежат патрилинейным группам, но отдельные лица могут предоставлять доступ к колодцам свойственникам и членам другой социальной половины, что отражает основные культурные принципы солидарности и уважения, связей по происхождению и по браку.

После провозглашения независимости в 1963 г. кенийское правительство пренебрегло традиционными понятиями о земельных правах в пользу капиталистических прав собственности и стало поощрять приватизацию общинных земель, развивая как создание групповых скотоводческих хозяйств (ранчо) у маасаев в 1960-е годы, так и индивидуализацию частного владения скотоводческими ранчо и фермами по производству пшеницы в округах Нарок, Каджиадо и Самбуру. В условиях независимости кенийское правительство стало выделять индивидуальные участки земли (обычно с лучшими пастбищами и постоянным водоснабжением) прогрессивным маасаем, в том числе школьным учителям, скотопромышленникам, лавочникам и чиновникам, новым «бигменам» (илайгуанани киток)²⁰.

За этим последовали «групповые ранчо», так как правительство поняло, что значительная часть земель маасаев слишком скудна для ее использования в форме индивидуальных участков. Маасаи неохотно согласились с постановлением о групповых ранчо (вслед за Актом о групповых представителях от 1968 г.), где утверждалось, что формальное и законное владение общинными ресурсами явля-

ется лучшей защитой от личного присвоения и миграции земледельцев на земли маасаев. Засухи 1968 и 1971 гг. показали непрочность границ групповых ранчо — разные группы маасаев продолжали пасти свой скот на землях, занятых их родственниками или добровольными объединениями по скотоводству. Впрочем, к 1980-м годам некоторые лица овладели регионами с лучшим водоснабжением, в частности склоном Мау в округе Нарок, который все более преобразовывался в район коммерческих ферм, выращивавших пшеницу²¹.

Приватизация общинных пастбищ, конечно, не новость в Кении. Именно базовая земельная политика британского правительства способствовала изгнанию скотоводов-маасаев со значительной части долины Рифт (в округах Каджиадо и Нарок), когда белые поселенцы приобретали богатые пастбища в округах Лайкипия, Накуру и Уасин Гишу. Хотя земледельцы нанди, кипсигис и кикуйю лишились многих своих земель в пользу белых поселенцев, именно они, а не маасаи, приобрели после независимости прежние маасайские земли.

В стране маасаев кочевые скотоводы сталкивались с большими трудностями на своих землях из-за установления границ групповых ранчо и ограничения выпаса скота в национальных охотничьих заповедниках, крупнейшие из которых (Амбосели, Мара Маасаи, Тсаво) расположены в областях маасаев. Более того, в 1970-е и 1980-е годы в маасайских областях увеличивались в значительной степени товарное земледелие и скотоводство. На склоне Мау округа Нарок, например, в 1980—1985 гг. было продано, арендовано или нанято под крупные имения, выращивавшие пшеницу и ячмень, 320 тыс. га земли²². Как утверждал Галати, важнейшим ресурсом, монополизировавшимся среди маасаев, был не столько скот, сколько земля²³.

Самбуру. Подобный процесс происходит сейчас в округе Самбуру, в северо-центральной регионе Кении. В 1961 г. округ Самбуру подвергся экспериментам по устройству пастбищных комплексов — 31% (или 6400 км²) лучших пастбищ было размежевано для ограниченного выпаса. Вскоре последовало образование групповых ранчо, несмотря на предпринятые попытки старейшин сумбуру коллективно проклясть любого участника этих планов. В 1970 г. кенийское правительство организовало в Маралель земельную контору, которая в 1972—1975 гг. разрешала спорные вопросы групповых, а позже личных прав на землю на плоскогорье Лероги.

Земля была поручена муниципальному совету Самбуру, который определял, каким семьям использовать ранчо; более того, количество скота ограничивалось, а мелкий скот совсем не допускался на эти земли, что вынудило бедные самбурские семьи, владевшие большими стадами мелкого скота, переходить в низины Лбарта близ Барагуи²⁴. В течение 1970—1980-х годов самбурские групповые ранчо были разделены на индивидуальные участки; и, как и у маасаев, муниципальные советники Самбуру в числе первых получили личные участки земли — от 100 до 2400 га.

Сегодня плоскогорье Лероги превратилось из области преимущественного животноводства в область смешанного товарного хозяйства типа ранчо и выращивающего пшеницу. При этом самбурским скотоводам победнее пришлось уйти с плоскогорья Лероги на восток к Вамбе (где они должны обходить Самбурский охотничий заповедник) или на север к Барагую (где им приходится соперничать с растущими по численности скотоводами туркана). Многие молодые самбуру уходят в крупные города в поисках низкооплачиваемой работы сторожей и не знают, вернутся ли они к скотоводческому хозяйству²⁵.

Северная Кения. Индивидуализация поземельных прав не проходила интенсивно в Северной Кении (в округах Туркана, Марсабит, Исиоло, Ваджир или Мандера) отчасти потому, что это весьма редконаселенные районы (например, округ Марсабит, имевший в 1979 г. население 96 216 человек, или 1,2 человека на 1 км², да еще получающий мало осадков — 250—600 мм в год). Тем не менее некоторые районы с большими земледельческими возможностями, в том числе гора Марсабит и холмы Харри в Марсабитском округе или район р. Уасо Ньиру в

округе Исиоло, имеют тенденцию к индивидуализации и получению прав на землю. На горе Марсабит, близ столицы округа, сельскохозяйственные проекты, создававшиеся в 70-е годы для борьбы с голодом, привели к образованию густо населенных областей орошаемых ферм и плодовых садов: оседлые общины боран и рендилле в Сонга и Гудрас, насчитывающие несколько тысяч человек, производят капусту, кукурузу и древесный уголь для жителей города Марсабит, столицы округа, а оседлые ариааль рендилле из Караре, поселка с 2 тыс. жителей, снабжают Марсабит молоком и говядиной. Горное население составляет более 10% 100-тысячного населения округа, и в следующем десятилетии оно будет продолжать расти.

Сосредоточение населения на севере породило новую напряженность в доступе к пастбищам и водным ресурсам. Когда в 1992 г. я в последний раз посетил этот район, Марсабитский муниципальный совет уже начал выдавать права на земельные участки по марсабитской дороге и одновременно старался помешать Министерству природы и туризма расширить границы Марсабитского национального заповедника, где обитают крупнейшие в Кении слоны. Вызывает беспокойство тот факт, что между оседлыми боран и рендилле произошли столкновения из-за доступа к механизированным водным устройствам на горе Марсабит. В то же время страдавшие от засухи габбра нападали (с автоматическим оружием) на стада рендилле, пасшиеся на склоне горы. Рост вооруженного насилия по всей Кении самым серьезным образом влияет на пользование землей.

Политическая ненадежность и возобновление войны

Новая угроза земельным правам подвижных скотоводов в Северной Кении — это драматический рост военных действий и вооруженных набегов между соперничающими скотоводческими группами. В 1992 г. непрерывные вооруженные конфликты происходили между покот и туркана, габбра и рендилле, габбра и дассанеч, сомалийцами и боран. Конфликты эти не новы, но они достигли своего апогея как вследствие наличия большого количества автоматического оружия (приобретенного у солдат, бежавших от гражданских войн в Сомали, Судане и Эфиопии), так и неспособности (или нежелания) кенийского правительства остановить насилие.

В прошлом году в Кении развернулся этнический конфликт. Его источником были состоявшиеся в 1992 г. выборы, особенно в сельскохозяйственных регионах провинции Долина Рифт. Календжин поддерживали президента Мои, в отличие от своих противников кикуйю и луо. Как в отношении насилия в Центральной Кении, так и в отношении войны скотоводов на севере полиция и армия реагировали медленно или вообще не вмешивались. (Президент Мои заявляет: «Если вы хотите многопартийные выборы, то получите вот что — межплеменную войну и распад Кении. Нам нужна сильная партия КАНУ».)

Влияние политической нестабильности и военных действий на земельные права скотоводов и их доступ к пастбищам можно проследить на двух примерах: боран Уасо в округе Исиоло и рендилле в Марсабитском округе. Боран — подвижные скотоводы, которых насчитывается около 30 тыс. (21 392 по переписи 1979 г.) в Кении и более 250 тыс. в Южной Эфиопии (где их называют оромо, или пренебрежительно галла). Многие боран перебрались в конце XIX в. в Северную Кению, спасаясь от эксплуатации амхарскими и тыграйскими солдатами Абиссинской империи Менелика II. Боран поселились вокруг горы Марсабит, причем небольшие группы их ушли на юг к р. Уасо Ньиру и на восток к р. Тана. Вытесненные с р. Тана пришлыми сомалийцами, многие боран перешли к р. Уасо Ньиру, где к 1920 г. стали господствующей группой округа Исиоло. В 1934 г. британцы провели пограничную линию между сомалийцами и галла, разделив округа Ваджир и Исиоло, и боран сосредоточились вокруг Исиоло, так как пасти скот в округах Самбуру, Ваджир или Меру они не имели возможности. Северокенийские боран сохранили традиционную религию или обратились в христианс-

тво, а те, которые поселились в Исиоло (известные как боран Уасо), обратились в ислам под влиянием сомалийцев, с которыми поддерживали неровные отношения и зачастую соперничали²⁶.

Когда в 1962 г. британцы провели среди жителей Северного пограничного округа референдум о том, хотят ли они оставаться в Кении или примкнуть к новому Сомали, то боран Уасо и родственные им сакуйе вместе с сомалийцами предпочли разделение, а северные боран вместе с немусульманами самбуру и рендилле пожелали остаться в Кении. К несчастью, после провозглашения в 1963 г. независимости Кении с референдумом не посчитались, что привело в декабре того же года к просомалийскому восстанию. Восстание повлекло за собой 7 лет насилия, известного под названием «войны шифта» (шифта по-амхарски значит «разбойник»). При этом минировались дороги, нападали на скот, особенно принадлежавший рендилле, самбуру, ариааль и северным боран. Кенийская армия отвечала жестокими репрессиями в областях проживания сомалийцев и боран Уасо, конфискуя (или истребляя) их скот и загоняя скотоводов в «стратегические деревни» (боран Уасо были заключены в три деревни — Габбра Тула, Мерти и Мадо Гаше близ Исиоло).

Окончание «войны шифта» в 1969 г. совпало с периодом продолжительной засухи (1968—1971 гг.), в течение которой боран Уасо потеряли 95% своих верблюдов, 90% мелкого скота и много крупного рогатого скота; Хогг считает, что 7%²⁷, Бакстер находит, что потеряна большая часть животных²⁸. К 1982 г. 40% боран жили в бедности в городках округа Исиоло или близ них, перебиваясь изготовлением древесного угля, нанимаясь в пастухи, в ночные сторожа или занимаясь проституцией²⁹. Иные сумели завести собственные лавочки, хотя проведенное Хьортом исследование города Исиоло показало, что только одна из 50 лавок принадлежала боран, а большая часть остальных — преимущественно сомалийцам, меру или индийцам³⁰. Теперь боран теряют пастбища вдоль р. Уасо Ньиру, и эти пастбища занимают сомалийцы, иммигрирующие из округа Ваджир.

Сомалийцы, составившие в 1940-е годы менее 10% населения округа Исиоло, составляли к 1980 г. 35%. Это привело боран к решению установить свои преграды на пастбищах, чтобы ограничить дальнейшую иммиграцию сомалийцев. Более того, большинство исиольских боран теперь оседлые земледельцы, они применяют приемы обработки засушливых земель, заимствованные у прежних соседей по Эфиопии, консо и сидамо, и выращивают зерно главным образом для прокорма скота.

Рендилле. Из-за соперничества с другими скотоводами рендилле также изменили свои пастушеские приемы. В прошлом рендилле (население 24 тыс.) специализировались на разведении верблюдов и мелкого скота и пасли своих животных в пустынях Кайсут и Чалби между горой Марсабит и озером Туркана. После крупных людских потерь от оспы в конце XIX в., а также нашествия туркана и боран пастбищные земли рендилле все больше сокращались, особенно в районе озера Туркана — горы Кулал. Еще более ограничили их земли британские колониялисты, введя в 1919 г. «племенные пастбищные области», разделив рендилле, боран, габбра и заставив эти группы сосредоточиваться вокруг определенных источников воды: рендилле — в пустыне Кайсут (вокруг Карги), габбра — в пустыне Чалби (вокруг Майкона и Северного Хорра), боран — на горе Марсабит, а туркана и самбуру — в их собственных областях к западу и югу от озера Туркана (озеро Рудольф). Дассанеч были совершенно вытеснены из Кении в Эфиопию³¹.

В 1930—1940-е годы многие рендилле поселились вокруг малых городов (Лаисамис и Арчерс Пост), а стада свои пасли на отдаленных пастбищах под присмотром воинов и подростков. Эти города выросли после провозглашения независимости Кении, особенно в связи с тем, что западные миссии, в том числе католические, открывали церкви, школы и амбулатории в округах Марсабит и Самбуру. Местная инфраструктура, созданная миссиями, позволила этим округам быстро отреагировать на засухи в 1968—1971, 1976 и 1984 гг. Миссионерские

центры в Корр, Карги и Лаисамис выросли в городки, когда там поселились сотни рендилльских семей, чтобы получать пищу, распределявшуюся церковью среди голодающих. К 1985 г. более половины рендилле были постоянными жителями этих городов или их окрестностей, спасаясь как от засухи, так и от частых набегов групп боран, сомалийцев, туркана и габбра.

После 1973 г. несколько тысяч рендилле переселились на гору Марсабит и занялись орошаемым земледелием, особенно в крупной общине Сонга (2 тыс. человек), основанной Национальным христианским советом Кении. Те рендилле, которые по-прежнему пасут верблюдов, все чаще переселяются поближе к городам, особенно к Корр и Карги, так как соседние боран, сомалийцы, туркана и габбра все чаще совершают набеги на их стада.

Хотя стада рендилле периодически подвергались нападениям со стороны соседей, особенно туркана и боран, а также крупным набегам сомалийцев во время «войны шифта», до недавних пор это не были очень серьезные нападения; они совершались преимущественно с использованием копий, а иногда ружей. Однако летом 1992 г. набеги стали особенно интенсивными: габбра, потерявшие в тот год более 50% верблюдов вследствие засухи, нападали на стада рендилле, дассанеч, боран и даже сомалийцев с автоматическими винтовками, добытыми в Эфиопии. Если в прежних набегам ранили одного-двух человек, то теперь гибли десятки людей. Опасность постоянных вооруженных набегов на Северную Кению продолжается, тем более что этот регион не особенно хорошо контролируется правительством, занимающимся более крупными проблемами Юга.

Выводы

На землепользование подвижных скотоводов Кении непосредственно влияет рост населения, особенно экспансия земледельческого населения на скотоводческие земли Юга, а на Севере — соперничество скотоводческих групп, стремящихся к более сочным и безопасным пастбищам. Демографическое давление на пастбищные земли происходит скорее в результате миграции пришельцев, чем из-за высокого естественного воспроизводства. К тому же идет постоянное переселение бедных скотоводов из пастушеских районов в малые и большие города в поисках работы по найму. Кроме демографического давления на подвижное скотоводческое землепользование на доступ к пастбищам и воде влияют перемены в хозяйстве — от подвижного скотоводства к оседлому земледелию. В лучше орошаемых маасайских областях Юга и на плоскогорье Лероги округа Самбуру скотоводческие земли быстро индивидуализируются и земельная собственность переходит в руки частных скотоводов или земледельцев-коммерсантов, частично принадлежащих к элите маасаев и самбуру. Скотоводы победнее среди маасаев и самбуру, не имеющие земельных прав, сгоняются с этих земель и вынуждены иметь дело с соперниками-земледельцами кикуйю и камба, а также с расширяющимися охотничьими заповедниками. По мере сокращения скотоводческого хозяйства растет миграция маасаев, ищущих наемную работу в городах, особенно в Найроби.

Северные подвижные скотоводы сталкиваются с некоторым ростом земледелия и с посягательствами охотничьих заповедников, однако их главная проблема заключается в политической ненадежности и соперничестве с другими скотоводческими группами за пастбищные ресурсы. Конфликты эти отражают давнюю вражду; сегодня используется автоматическое оружие, что приводит к гораздо большим жертвам, особенно среди детей и подростков, пасущих скот вокруг уединенных стойбищ. Я не думаю, что подвижные скотоводы обречены, но чтобы остаться жизнеспособной социальной системой, они должны получить гарантированные права на владение общинной землей и физическую защиту от нападений.

- ¹ *Oba Gefu*. Changing property rights among settling pastoralists: An adaptive strategy to declining pastoral resources// *Baxter P. T. W.* (ed.). *Property, Poverty and People: Changing Rights in Property and Problems of Pastoral Development*. Manchester, 1990. P. 38.
- ² *Horowitz M. M.* The Sociology of Pastoralism and African Livestock Projects. AID Program Evaluation Discussion Paper № 6. The Studies Division, Office of Evaluation, Bureau for Program and Policy Coordination. Wash., 1979; *Horowitz M. M., Little P. D.* African Pastoralism and poverty: Some implications for drought and famine// *Glantz M. H.* (ed.). *Drought and Hunger in Africa*. Cambridge, 1987; *McCabe J. T.* Drought and Recovery: Livestock dynamics among the Ngisonyoka Turkana of Kenya// *Human Ecology*. 1987. № 15 (4). P. 371—385.
- ³ *Franke R. W., Chasin B.* Seeds of Famine: Ecological Destruction and Development Dilemma in the West African Sahel. Montclair. 1980; *Sobania N.* Pastoralist migration and colonial policy: A case study from northern Kenya// *Johnson D., Anderson D.* (eds.). *The Ecology fo Survival: Case Studies from N. E. African History*. L., 1988; *Scott E. P.* (ed.). *Life Before the Drought*. Boston, 1989; *Waller R.* Emutai: Crisis and response in Maasai land, 1883—1902// *Johnson D., Anderson D.* (ed.). *Op. cit.*; *idem.* A Magnet for Aliens: Kikuyu Settlement in Massai land// *Spear T., Weller R.* (eds.). *Being Massai: Ethnicity and Identity in East Africa*. L., 1993; *Watts M. J.* Silent Violence: Food, Famine and Paesantry in Northern Nigeria. Berkeley, 1983.
- ⁴ *Franke R. W., Chasin B.* *Op. cit.*
- ⁵ *Fratkin E.* Surviving Drought and Development: Aridal pastoralists of Northern Kenya.
- ⁶ *O'Leary M. F.* Ecological Villains or Economic Victims: The case of the Rendille of Northern Kenya// *UNEP Desertification Control Bulletin*. 1984. № 11. P. 17—21.
- ⁷ World Bank. *World Development Report*. N. Y., 1992.
- ⁸ *Caldwell J. C., Caldwell P.* The cultural context of high fertility in Sub-Saharan Africa// *Population and Development Review* 1987. № 13 (3). P. 409—437.
- ⁹ *Brass W., Jolly C. L.* (eds.). *Population Dynamics of Kenya*. Wash., 1993.
- ¹⁰ *Ibid.*
- ¹¹ *Ibid.*
- ¹² *Campbell D. J.* The prospect for desertification in Kajiado District, Kenya// *Geographical Journal*. 1986. № 152 (1). P. 44—55.
- ¹³ *Roth E. A.* A Reexamination of Rendille Population Regulation// *American Anthropologist*. 1993. № 95 (3). P. 597—611.
- ¹⁴ *Brainard J.* Herders to Farmers: The Effects to Settlement on the Demography of the Turkana Population of Kenya. PhD Dissertation. State University of New York. Binghamton.
- ¹⁵ *Hogg R.* The politics of changing property rights among Isiolo Boran pastoralists of northern Kenya// *Baxter P. T. W.* (ed.). *Op. cit.* P. 20—31.
- ¹⁶ World Bank...
- ¹⁷ *Sobania N.* Pastoralist migration and colonial policy: A case study from northern Kenya// *Johnson D., Anderson D.* (eds.). *The Ecology of Survival: Case Studies from N. E. African History*. L., 1988. P. 35.
- ¹⁸ *McCabe J. T.* Drought and Recovery: Livestock dynamics among the Ngisonuoka Turkana of Kenya// *Human Ecology*. 1987. № 15 (4). P. 371—385.
- ¹⁹ *Baxter P. T. W.* (ed.). *Op. cit.*
- ²⁰ *Galaty J. T.* Land and livestock among Kenyan Maasai// *Galaty J. G., Salzman P. C.* (eds.). *Change and Development in Nomadic and Pastoralist Societies*. Leiden, 1981. P. 81.
- ²¹ *Galaty J. G.* «This Land is Yours»: Social and Economic Factors in the Privatization, Subdivision and Sale of Maasai Ranches.// *Nomadic Peoples*. 1992. № 30. P. 26—40.
- ²² *Holland K.* Land, livestock and people: New Demographic considerations for Kajiado Maasai. Discussion paper, № 5. East African Pastoral Systems Project. Department of Antropology. McGill University. 1987.
- ²³ *Galaty J. G.* Land and livestock...
- ²⁴ *Fumagalli C. T.* An evaluation of development projects among East African pastoralists// *African Studies Review: The Social Sciences and African Development Planning*. 1978. Special issue. № 21 (3). P. 49—63.
- ²⁵ *Sperling L.* Wage employment among Samburu pastoralists of northcentral Kenya// *Johnson D., Anderson D.* (eds.). *The Ecology of Survival: Case Studies from N. E. African History*. L., 1988.
- ²⁶ *Hogg R.* The politics of changing property rights...; *Hjort A.* Savana Town: Rural Ties and Urban Opportunities in Northern Kenya// *Stockholm Studies of Social Anthropology*. 1979. Vol. 7.
- ²⁷ *Hogg R.* The politics of changing property rights...
- ²⁸ *Baxter P. T. W.* (ed.). *Op. cit.*
- ²⁹ *Hogg R.* The politics of drought: The pauperization of Isiolo Boran// *Disasters*. 1985. № 9 (1). P. 39—43.
- ³⁰ *Oba G.* *Op. cit.*
- ³¹ *Sobania N.* *Op. cit.*

Problems of Pastoral Land Tenure in Kenia (1950—1990)

Pastoral population in Kenya currently face increasing constrictions of their herding lands and threats to traditional land tenure due to a combination of demographic, economic and political factors.

The paper discusses problems of pastoral land tenure in Kenya, using examples from Maasai, Samburu, Boran and Rendille. It is argued that population pressure, combined with political insecurity and economic transition to sedentary agriculture, is aggravating problems of pastoral land use.